

Подмосковные дорожные заметки

С. Як-в*

елью второй моей поездки был город Верей и верейский уезд. Когда я приехал на московскую почтовую станцию и потребовал лошадей до Вереи, ямской староста объявил мне, что он такого города не знает. Созвали на совет нескольких ямщиков.

— Братцы, где такая Верей? — спросил староста.

— Не знаем, — отвечало несколько голосов.

— Известно, где бывает верей: в дверях, — сострил кто-то, и все общество залилось искренним, единодушным хохотом.

— Нет, вы, братцы, толком скажите, по какому тракту вести барина, — спросил снова староста, когда унялся смех.

— А кто-ж его знает по какому.

— Известно, по тракту, где все ездят.

— Ладно, по всем трактам такая езда.

— Повезем, братцы, по питерскому.

— Зачем по питерскому? Лучше по рязанскому.

— Оно, Верей, не к Можайско-ли? — спросил кто-то.

— Да, кажется к Можайску, — отвечал я.

— Ладно, значит по Можайке и вести в Перхушково.

— А может, и не туда? Может, по Калужскому?

— По Калужскому не рука.

— Не рука... а ты в Верее бывал?

— Сам в нее полезай, в верей-то!..

Долго еще проспорили ямщики, пока, наконец, не явился на станцию какой-то еще проезжий, который сказал положительно, что Верей лежит в стороне от Смоленской дороги, и близ Можайска, и что мне нужно ехать в Перхушково. Прошло с добрые полчаса, пока собирали телегу, закладывали лошадей, и я, наконец, тронулся по тряской московской мостовой...

Проезд по Смоленскому тракту всегда значительный, так что нередко приходится на станциях довольно долго ждать лошадей. Дорога устроена под шоссе, как выражаются ямщики: твердый грунт с примесью камня, крепко утрамбован, так что езда по нему вообще удобна; дорога довольно широкая. Часто встречаются деревни, выстроенные чисто и опрятно вдоль дороги. В одной из деревень, на конце, я увидел груды угольев и обгоревших пней.

— Сгорел наш поилец! — произнес ямщик, указывая на груды.

— Кто это?

— Известное дело, — кабак; и на моих глазах сгорел. Ходил я, это, в деревню по своей надобности; подхожу к кабаку — никого нет; я вхожу, значит, в кабак, а там никого нет. Что за притча такая! Думаю однако, мешкать не для чего, взял с полки три штофа, да за пазуху. Смотрю, никто не идет. Только вдруг, как вспыхнет кабак, — едва успел я выбежать; однако же, штофы те не разбил. На улице народу-то, народу валит; смотрю — гурьбою в кабак бросились, выкатили бочку с вином, прошибли дно и ну черпать чем попало; кто позапасливее да порассудительнее, из дому ковш принес, а кто подурашливее, тот прямо пригоршней пил из бочки. Кому у бочки места нет, глядь — из кабака штоф вытащил, и также довольствуется.

— Все растаскали?

— Нет, говорят, бочку одну спасли. И отыскался среди пожара какой-то солдат, стал у пепелища и не допускает к вину: казенны антересы, говорит, соблюдаю. Только православные-то бочку опростали; от огня жарко, от вина пуще разбирает, еще хлебного захотели; а пуще Васька Сизой подбивает: таперича, братцы, сладенького бы хорошо. Подошли к пепелищу, а солдат не пускает; Сизой размахнулся, принял в зубы солдата, — и не стало храброго воина, и неизвестно, куда пропасть изволил.

* Имя автора не установлено. Публикуется глава о городе Верее (М. 1862).

— Что же, откуп жаловался на крестьян, за то, что таскали вино?

— Известное дело — побаловался; обыски делали, только ничего не нашли; народ здесь недурашливый; кабацкую посуду поразбили да позакидали; у одной бабы штоф нашли, да она его молоком налила, так ничего и не поделали. На другой день народ пьянехонек — распянехонек; опохмелиться хочется, — нечем. Облаготетельствовал, однако, откуп, из соседнего кабака ночью привезли вина, сделали выставку; православные пользовались; только вино слабеющее, не в пример с вчерашним и дороже не в пример. И три дня вся деревня, выходит, пила, словно ярмарка, али праздник какой; из других деревень на пиришество стали ходить, так что, почитай, весь пожар выручили. Денег что ушло и вещей прозакладали; Кувалдин так без шубенки и остался на зиму. Всем праздник был; одно, значит, нехорошо, что о ту пору хлеб сеять следовало, и дожди были, а православные запоздали, и теперича у них куда плохие хлеба-то! Сами взгляните!.. Вот оно, что значит кабацкий пожар! — Окончил ямщик свой рассказ...

Почтовый тракт от Москвы до Вереи идет на Можайск и тянется 123 версты; но я предпочел со второй станции от Москвы, Подлипок, свернуть в сторону, поехать проселком и таким образом выиграть около тридцати или сорока верст.

Местоположение Вереи живописно; город раскинулся на вершинах крутой горы, внизу которой журчит река; по ту сторону реки тянутся сады, и среди них веселенькие домики; куда не взглянешь, везде встречаешь веселый, приветливый пейзаж. Но в самом городе, сколько я могу заметить, также мало жизни, движения, хотя население достаточное, в особенности довольно богатого купечества; торговли большой нет; кроме разве лесом и хлебом. Большая часть купечества — раскольники, и этим отчасти объясняется их уединенная жизнь. Говорят, что здесь в одной семье случается встретить несколько различных сект раскола; в соседнем городе, Боровске, раскол развит еще сильнее. Верея, как я уже сказал, город весьма мало промышленный, да и понятно почему; он стоит совершенно в стороне: кругом нет фабрик, или очень мало, а крестьяне уходят работать в Москву. Город оживляется только вечером, когда местные жители выходят на прогулку к собору, выстроенному чуть ли не в память 1812 года. Костюмы гуляющих были весьма разнообразны: сюда дошли гарибальдинки, и украсили мужские и дамские головы; прелестный пол, особенно принадлежащий к купеческому сословию, имеет пристрастие к толстым золотым цепям, жемчужным нитям, обвивающим шею и спускающимся вниз до пояса.

Верея лежит на границе Калужской губернии, и в двадцати четырех верстах от нее уездный город той губернии — Боровск. Казалось бы, сообщение легкое между этими городами; попробуйте, однако, послать письмо из Вереи в Боровск, и письмо ваше сделает 20 верст до Можайска, 103 версты до Москвы, 35 верст до Подольска, 79 верст до Малоярославца и, наконец, 21 версту до места своего назначения. Вот какая значительная разница происходит, если отдают предпочтение ломанной линии перед прямой! В некотором случае это, впрочем, весьма удобно; положим, вы — человек служащий и получаете командировку от Вереи до Боровска; вы едете всего 24 версты, а прогонных получаете за 258 верст. Заметьте, кроме того, что, вследствие изысканно длинного способа сообщения, требуется большее количество лошадей на двух, самых проезжих трактах: Смоленском и Тульском; тогда как стоило бы только прибавить по паре лошадей на верейской и боровской почтовых станциях, чтобы устранить это неудобство и магическое превращение 24 верст в 258. — Частных ямщиков в Верее весьма мало; езды им приходится редкая, и неудивительно, что, в случае запроса на услугу с их стороны, они запрашивают довольно дорого. Нельзя, однако, пожаловаться на общую дороговизну в Верее; я, по крайней мере, был удивлен дешевизной за постой.

Верейский уезд довольно обширен; население его, по большей части, занимается хлебопашеством, причем одна половина уезда предпочитает огородничество и разводит в большом количестве лук, который продается отчасти на месте производства, отчасти развозится по окрестным уездам и в Москву. Я не полагаю, чтобы грунт земли располагал к луководству особенно, потому что лук принадлежит к такого рода растениям, которые не слишком прихотливы в отношении к грунту; скорее можно допустить, что разведение его в верейском уезде есть следствие давнего обычая, который вошел в привычку. В Верее есть также несколько вишневых садов; вишни и крыжовник возятся для продажи в Москву; вишня разводится трех сортов: владимирка, костянка и белотелка; цены на нее бывают различны. Случается нередко, что садовник, отправившись с возом вишен, дорогой выпьет и не усмотрит за лошадью, которая опрокинет воз и превратит все ягоды в кисель уже неудобный для продажи.

Между прочим, в верейском уезде есть сырный завод в имении князя Мещерского, где производится сыр, известный во всей России под именем Мещерского. В селе Наро-Фоминское большая мануфактура г. Скуратова и К^о; одна половина этого села, прилежащая к мануфактуре, имеет совершенно фабричный характер; крестьяне почти не занимаются земледелием и, по звону колокола, несколько раз в день собираются из своих

изб на фабрику. Фабричная жизнь придает особую развязность и изгоняет неряшливость, столь сродную нашему простонародью...

Я мало имел случая говорить с крестьянами верейского уезда, расспросить об их нуждах, об их образе жизни; я ездил по деревням в такое время, когда они все почти были пусты и крестьяне уходили на работу, на сенокос, и жили по несколько дней в отдельной пустоши, оставляя селение под присмотром стариков, старух и детей...

В заключение я передам презабавный случай, бывший со мною в одном из уездов Московской губернии; случай, показывающий, в какой степени в нашем народе мало развито понятие о законности. Мне пришлось ехать на обывательских, и я брал их от одной деревни до другой, рассчитывая на одних лошадях сделать пятнадцать или шестнадцать верст судя по маршруту, который был мне выдан из земского суда. Раз, когда я приехал в село для смены лошадей, привезший меня крестьянин, лишь только я вылез из телеги, повернул оглобли и поехал домой. Я закричал ему, чтобы он остановился. Он, нехотя, исполнил мою просьбу.

— Куда же ты едешь? Ведь нам надо рассчитаться, — сказал я.

Крестьянин вылез из телеги и подошел ко мне.

— Как так рассчитаться? — спросил он.

— Да, теперь о деньгах следует переговорить.

Крестьянин чуть не упал в ноги.

— Помилуйте, батюшка, за что же это: вез — вез вас, да еще деньгами платить; ни в чем я не повинен.

— Да и я не спрашиваю с тебя денег; напротив, тебе следует с меня получить.

— С вас? За что же, батюшка?

— Как за что? А за то, что вез. Видишь ли, мы с тобой сделали по расчету земского суда шестнадцать верст: так ли?

— Должно быть, так.

— Ну, на пару за шестнадцать верст, по две с половиной копейки за версту, приходится восемь гривен; вот — получи.

— Нет, я этих денег не возьму; может за них в ответственность пойдешь, а лучше, коли милость будет, то так на чаек пожалуйте.

— Да ведь эти деньги следуют тебе по закону; я не смею не дать их; не смею и даром ездить.

— Нет, батюшка, вы уж в грех не вводите; не с первым с вами по казенной надобности езджу.

И сколько я ни говорил, сколько я ни убеждал, крестьянин остался при своем — и отказался принять прогоны.

Река Протва в окрестностях Верей.
Фото В. Титова